

ОКОЛЬЦЕВАЛИ

На залапанную его же грязными руками книгу неисправностей системный механик смотрел как на привычное зло. К концу рейса книга начала лысеть. В осыпавшихся листах вся его работа, бегодня, претензии на чужом языке, девятиэтажные соты палуб, вызовы невтерпежные и не очень, и совсем глупые вызовы не по адресу. Книга — ядро, к которому его приковали на восемь месяцев. Каторжник хоть во сне забывает о чугунном спутнике, с которым не прочь покалякать днем. Проклятая книга же волоклась за системным в ночь, он во сне разговаривал с ее фигурантами.

— Нет, фрау, вода не из опреснителей. Мы приняли свежую в Тринидаде.

— Жарко? В тропиках всегда жарко. Нет, я не рефрижераторный механикер. Я вармэс васэр, кальгэс васэр, душ. Примите душ.

— Забился гальюн в суперлюксах? Опять гады бросили вату!

— Зажигалки я не чию. Я чию портсигары после трех часов ночи.

Сейчас только два.

Сейчас два, а в восемь посадка. Посадка — это потерянные ключи от чемоданов и две страницы вызовов. Одни садятся, другие выходят. Вереница лиц, увядших под косметикой, реже совсем юных, настежь открытых восторгу, откровенно пьяных рож и лиц настороженных, бледных, еще не тронутых загаром. Рядом лица приветливые, должно быть, знакомые. Он старается вспомнить. Они его откуда-то знают, они улыбаются ему, заговаривают:

— Гут морген, герр механикер! Почему отключили лифты?

— Штормит, фрау. Их заклинивает от крена.

Лица меняются, память не вмещает всех. Он остается. Системный положил книгу-ядро на стойку бюро информации.

— Дай ключ, — назвал администраторше номер каюты. — Что там?

Луиза подняла глаза приговоренной. Снова эти глаза. Они не просили обнадеживающей лжи, они извинялись за то, что все еще здесь.

— Уже пора уйти? — спрашивали глаза. — Что же ты тянешь, сам мучаешься и меня терзаешь?

Луиза была его вторым ядром, и он не знал, какое тяжелее. Второе ядро держало его у бюро.

"Наштукатурилась и обстриглась, — заметил он про себя, — молодится. А зачем? Кажется, сегодня она переводит на капитанском ужине".

— У тебя новая прическа?

— Тебе нравится? Я освобожусь поздно, не жди. Пассажирка в каюте, там что-то с ванной.

Системный лязгнул газовым ключом и ушел. Она уткнулась в немецкий текст, клюнула клавиш компьютера, потом сняла трубку, набрала номер.

— Коленька, ты обиделся?

Глаз уже нет. Есть второе ядро.

— Иди сюда. Я не пойму, что она хочет.

Системный поджал слезящуюся по резьбе гайку смесителя, но старуха продолжала тыкать когтистым маникюром в слив.

— Она говорит, что положила на край ванны перстень с изумрудом, — перевела Луиза. — Судно качнуло, и кольцо смыло.

— Смыло... Фекалии уже откатали в океан. Я не водолаз!

Системный намылил палец на левой руке, с трудом стащил обручалку, положил кольцо на дно ванны и открыл горячую. Кран фыркнул паром. Холодная шла нормально.

— Днем горячая тоже не шла? — системный подогнал кольцо к решетке слива. Решетка задержала обручалку.

— У нее палец тоньше, — перевела Луиза.

— Ее поезда давно ушли. Можешь перевести. Кольцо не может туда пройти.

Системный собрал инструмент и пошел в котельное разбираться с вентилями горячей воды. Провозился до полуночи. Уже у себя в каюте полез в карман за сигаретами и вспомнил про обручалку. Кольца в кармане не нашупал. "Хорошо, если в ванной, — подумал, — а если в котельном под плиты закатилось?"

На него с укором смотрели влажные глаза жены. Еще одни глаза. Кольцо же не теряют, если оно на руке. Зачем тогда снял? Значит, мешало. Чему мешало?

Неприятности, связанные с таможенной декларацией, куда он внес вывозимые за границу ценности, казались пустяком на фоне домашних выяснений.

Он набрал номер информбюро. Трубку не брали. Системный поднялся на пассажирскую палубу и постучал к старухе. В каюте было тихо.

"Тоже на капитанский ужин понесло старую курдупель", — подумал и на всякий случай постучал еще раз. Тюкнули пятки.

— Ихь битэ зи, ауф михь цу вартэн, — прописклявили за дверью и притаились.

"Одевается, — догадался системный, — или челюсти вставляет". Щелкнул замок. Старуха стояла в куцем пеньюарчике.

— Экскьюз ми, фрау, — проямлил он. — Я забыл у вас кольцо.

Старуха загадочно улыбалась. На костлявом пальце вспыхнул бриллиант найденной пропажи.

— Данкэ, герр механикер!

"Много тебе мелких битте", — съязвил про себя системный.

— Вы меня фэрштээ ниht. Мое кольцо, ринг! — он показал выдавленную на пальце темную полоску.

— Я, я, герр механикер! — ее заспанное лицо осветила догадка. Она полезла в шкаф, копнула в сумочке. Звякнули монеты.

— Наин, фрау!

Старуха уже прицелилась к карману комбинезона. Бонус системного не радовал. "Неужели в котельном?!" — обожгло его.

Она открыла холодильник. Булькнуло спиртное.

— Наин, данкэ! — зарычал системный. Запотевший фужер шел на него в атаку. — Гутэ нахт! — он вышел и закрыл дверь.

Во втором часу ночи в каюту условным стуком попросилась Луиза.

— Я потерял обручалку, — системный щелкнул зажигалкой, закурил.

— Никуда она не денется. Утром классная номерная будет убирать каюту и найдет.

— Я в котельном потерял. В ванной нет. Эта крашенная швабра решила, что я за чаевыми.

— Напишешь объяснительную для декларации. Я — свидетель. Или ты боишься жены? Ты же берешь развод. Или уже не берешь?

— Тебе сколько лет, шестнадцать? — не выдержал системный.

Она потупилась. Молчание угнетало.

— Женщина хороша, как книга. Нужна — протянул руку — здесь. Не нужна — не прыгает с полки. Я не буду больше прыгать!

— Сама придумала?

— Это Фаллада.

— Ты предупреждай, я могу с койки смайнаться.

— Вот и все. Конец пароходного коннубината. Ты прав, мне уже не шестнадцать. Я не побегу жаловаться капитану. Иллюзия счастья, которой я маялась восемь месяцев, — это всего лишь передышка между двумя разочарованиями. Пора бы привыкнуть. После отпуска ты снова будешь разводиться? Ты оставил кольцо в мыльнице, — она поднялась и тихо вышла.

На столе лежало кольцо.

Утром в бюро информации сидела другая.

— А где Луиза? — спросил системный.

— Мы с ней поменялись вахтами, совсем поменялись.

Она следила за выражением его лица. Системный раскрыл книгу неисправностей. На правой руке сверкнула обручалка.

— Что, Николай, окольцевали? — электрик по лифтам подмигнул ему.

Системный недоспал, но к нему, наконец, пришло запоздалое облегчение, какое чувствует человек, который вынужден был долго таскать с места на место большую тяжесть. Ему негде было ее оставить, но потом все-таки нашел, пристроил.

Он получил радиограмму из дома: "Дети здоровы. Ждем. Целую...". Системный вез подарки. Настроение у него было чемоданным.

